

Писатель Анатолий Кузнецов и его кот. Лондон, 1970-е

На нынешнее лето пришлось две памятные даты, связанные с биографией писателя Анатолия Кузнецова (1929–1979): 29 июля исполнилось пятьдесят лет с того дня, как он стал невозвращенцем, получив политическое убежище в Великобритании, а 18 августа исполнилось 90 лет со дня его рождения. Судьба этого советского писателя, ставшего писателем антисоветским, до сих пор привлекает к себе пристальное внимание тех литературоведов и простых читателей, которые интересуются тем, что происходило с российской литературой в эпоху тоталитарного коммунистического режима. А в этой истории имя Анатолия Кузнецова всегда занимало — и продолжает занимать — одно из первых мест.

Командировка в Лондон

Тридцатого июля 1969 года в мире разразился общественно-политический скандал, в котором теснейшим образом были переплетены политика и литература. В этот день все основные информационные агентства «свободного мира» распространили сообщение о том, что находящийся в Лондоне советский писатель-коммунист Анатолий Кузнецов принял решение не возвращаться в СССР и обратился к правительству Великобритании с просьбой о предоставлении ему политического убежища. То есть стал дефектором, как это называется на языке спецслужб, или перебежчиком — на языке их историков.

В Лондоне Анатолий Кузнецов оказался не просто так, то есть не как привилегированный советский турист из числа тех, кому было позволено самостоятельно ездить в капиталистические страны. В столицу Великобритании он приехал в творческую командировку сроком на две недели — с целью сбора материалов для написания книги о проходившем там в 1903 году II съезде РСДРП. Книгу про это важнейшее в коммунистической мифологии событие (важнейшее — по причине того, что именно на втором съезде будущая большевистская партия была создана де-факто) Кузнецов намеревался написать к приближающемуся «самому красному дню» советского календаря — столетию со дня рождения основателя СССР Владимира Ульянова-Ленина. До дня рождения главного большевика всех времён и народов оставалось ещё девять месяцев, но подготовка к торжествам уже шла в Советском Союзе полным ходом. Денег на пропаганду не жалели. Как следствие, степень восторженного идиотизма в прославлении «вечноживого Ильича» превысила все мыслимые пределы. На низовом уровне апофеозом этого процесса стало появление особой «юбилейной» партии варёной колбасы типа «Любительская», в которой на срезе появлялась цифра «100», выложенная внутри розового колбасного фарша мелкими белыми жиринками. На уровне высоком эту задачу должны были выполнить новые «нетленные» произведения самого передового в мире советского искусства — театра, кинематографа, литературы. Так что заявка, сочинённая членом Тульской организации Союза писателей РСФСР А. В. Кузнецовым, всемирно известным автором повести «Продолжение легенды» и романа «Бабий Яр», членом КПСС с 1955 года, была воспринята в партийных инстанциях со всей возможной благосклонностью. И выездную визу ему оформили без малейших проволочек, и некую ничтожную сумму в столь дефицитной в первом в мире социалистическом государстве иностранной валюте — для покрытия производственных расходов во время поездки — выдали. О том, к каким потерям — в первую очередь в плане «идеологической борьбы», но также и во всех прочих планах — это непродуманное решение приведёт, они, разумеется, и не догадывались.

Литературовед в штатском

В столицу Великобритании 39-летний Анатолий Кузнецов прибыл 24 июля 1969 года — рейсом «Аэрофлота» из Москвы. Прилетел он не один, но в сопровождении человека по имени Георгий Анджапаридзе (1943–2005). 26-летний Георгий Анджапаридзе по профессии значился литературоведом и переводчиком с английского и охотно откликнулся на имя Гога. Поскольку Кузнецов иностранными языками не владел и по-английски ничего кроме хрестоматийного «хау ду ю ду» вымолвить был не в состоянии, Гога Анджапаридзе был приставлен к нему в качестве персонального переводчика. А заодно и персонального же куратора — поскольку основная профессия его была не основной, а второстепенной. По основной профессии Гога Анджапаридзе был агентом-provokatorом КГБ и всю жизнь только тем и занимался, что — стучал. У лубянского начальства он был, по-видимому, на весьма хорошем счету, поскольку, в первый раз выпустив его за пределы Большой Зоны — причём не в какую-нибудь Болгарию, а сразу в Англию, — Гоге было ясно дано понять, что «органы» ему верят и надеются, что порученное ему ответственное задание — пасти в Лондоне Кузнецова — он выполнит на «отлично». Как показали события ближайших дней, надеждам этим сбыться было не суждено.

Побег

Вечером 28 июля 1969 года, на пятые сутки пребывания в английской столице, Анатолий Кузнецов ушёл из гостиницы и обратно не вернулся. Для того, чтобы исключить даже вероятность того, что приставленный к нему «литературовед в штатском» попытается как-то помешать ему осуществить давно задуманный побег, ему необходимо было нейтрализовать стукача. Кузнецов поступил максимально примитивным образом — оказавшись, однако же, весьма действенным: он отправил Гогу в близлежащий стриптиз-бар, «по секрету» сообщив, что сам уже побывал в этом «злачном заведении» и остался под глубочайшим впечатлением от увиденного. Анджапаридзе, поверив тому, что Кузнецов его не провоцирует, радостно похромал (он был инвалидом с нарушением опорно-двигательного аппарата и мог передвигаться только в специальной ортопедической обуви) в указанный «вертеп разврата». И в то время как его соглядатай наслаждался видом стаскивающих с себя лифчики голопопых девок, коварный Кузнецов приступил к осуществлению детально продуманного плана бегства.

Зайдя в ближайшую телефонную будку, он нашёл в «желтых страницах» телефон коммутатора Британской радиовещательной корпорации (Би-Би-Си) и набрал этот номер. Ответившую ему телефонистку попросил — используя заранее составленную и выученную наизусть английскую фразу — соединить его с комментатором Русской службы Анатолием Гольдбергом. И когда Гольдберг ответил, назвал ему своё имя и попросил помочь в получении политического убежища.

Анатолий Максимович Гольдберг (1910–1982), голос которого на Руси знал каждый человек, имевший обыкновение по ночам слушать Би-Би-Си, по убеждениям был упёртым социалистом. Но по воспитанию он был настоящим английским джентльменом. Поэтому он ответил звонившему, что впутываться в «такие странные дела» сам не желает, однако может дать ему телефон журналиста Дэвида Флойда из газеты «Дэйли телеграф», который и по-русски говорит как на родном английском, и к «соответствующим организациям» какое-то отношение имеет, так что вполне может в данном вопросе посодействовать.

Когда Кузнецов позвонил по полученному от Гольдберга номеру, Дэвид Флойд (1914–1997) мгновенно понял, какая громадная сенсация свалилась ему на голову прямо с неба. И попросил Кузнецова немедленно приехать к нему домой, пообещав оплатить такси. После чего продиктовал ему по буквам свой адрес и стал ждать.

Однако, положив трубку, Флойд тут же забеспокоился: а вдруг это какая-то коварная провокация КГБ? Никому в ту пору кроме нескольких джентльменов из одной «соответствующей организации» не было ещё известно, что знаменитый британский журналист, сотрудник одной из наиболее влиятельных в Англии газет являлся... бывшим агентом советской разведки. Завербован Дэвид Флойд был ещё в начале 1950-х годов, во время работы в посольстве Великобритании в Москве, но, вернувшись на родину, никаких заданий не выполнял и пребывал в «спящем» состоянии. Когда же был разоблачён, во всём покаялся и был прощён — ввиду ничтожности причинённого от его несостоявшейся шпионской деятельности вреда, только уволен из британского МИДа под предлогом сокращения штатов. Став журналистом, Флойд, однако, ни на мгновение не забывал о своей несостоявшейся карьере советского шпиона. Получив неожиданный звонок от неизвестного ему русского, сообщившего такие удивительные вещи, он вообразил, что этот человек приехал в Англию с поручением Лубянки — отомстить ему за уклонение от когда-то данных обязательств...

Но всё обошлось. Кузнецов оказался именно тем самым Кузнецовым, а не киллером-ликвидатором из зловещего 13-го отдела КГБ. Дальнейшее было делом техники. Флойд позвонил своим «великодушным джентльменам», те немедленно приехали и приняли в судьбе его неожиданного гостя самое деятельное участие.

Между тем Гога Анджапаридзе, вернувшийся в гостиницу из стриптиз-бара под глубоким впечатлением от увиденного, с удивлением обнаружил отсутствие в номере своего подопечного и незамедлительно бросился к телефону — звонить начальству. В советском посольстве всполошились и, едва дождавшись утра, тоже принялись звонить — в британское министерство иностранных дел, прося помочь выяснить вопрос с неизвестно куда пропавшим в Лондоне советским гражданином Кузнецовым. В МИДе пообещали навести все возможные справки. И через короткое время проинформировали советское посольство о том, что гражданин Кузнецов принял решение «выбрать свободу» и обратился к прави-

тельству Соединённого Королевства с просьбой позволить ему остаться в нём «на неопределённо продолжительный срок». И что правительство, возглавляемое сэром Гарольдом Вильсоном, просьбу мистера Кузнецова решило удовлетворить.

Известие было крайне неприятным. Советский посол Михаил Смирновский (1921–1989) был вне себя от ярости и, бегая по своему кабинету из угла в угол, наверняка обрушил на голову неизвестного ему лично мерзавца Кузнецова весь известный ему словарный запас русского языка. Смирновский очень хорошо представлял себе, что теперь начнётся на Смоленской площади, а также в Кремле. Но он вряд ли мог представить себе всю глубину предстоящего скандала.

Скандал

Тридцатого июля 1969 года газета «The Daily Telegraph» вышла с громадной шапкой «WELCOME, KUZNETSOV!». Оборотистый журналист Дэвид Флойд застолбил за собой право на полный эксклюзив всего, что было связано с «делом Кузнецова». Дефектор, помещённый на конспиративной квартире под присмотром «великодушных джентльменов», был надёжно изолирован от настырных коллег-конкурентов, так что все прочие английские газеты при освещении «дела Кузнецова» были вынуждены довольствоваться объёмками с редакционного стола мистера Флойда.

Первого августа в «The Daily Telegraph» был опубликован блок материалов за подписью Анатолия Кузнецова — Обращение к мировой общественности, заявление о выходе из КПСС и Открытое письмо правительству СССР. В этих заявлениях беглый советский писатель объяснял мотивацию, подвигнувшую его на совершённый поступок, и утверждал, что не вернётся на родину до тех пор, пока советский режим не выведет свои войска из Чехословакии и не принесёт извинения за оккупацию народу этой страны.

Но это было только начало. Через несколько дней в той же газете была опубликована статья Кузнецова под названием «Русский писатель и КГБ». В ней дефектор сделал признание поистине сенсационное: он заявил, что для того, чтобы добиться разрешения на поездку в Англию, а тем самым сделать возможным свой побег, вынужден был за полгода до этого, став агентом-провокатором КГБ, доносить на некоторых знакомых писателей — например, на Евгения Евтушенко и своих друзей Василия Аксёнова и Анатолия Гладилина. При этом Кузнецов утверждал, что написанный им донос представлял собой типичную «развесистую клюкву», в которой не было ни единого слова правды, однако работавшие с ним гэбисты восприняли его измышления вполне серьёзно и приняли «соответствующие меры». Кузнецов писал, что очень раскаивается в содеянном и просил тех, на кого он возвёл поклёп, простить его, если они смогут это сделать.

Но и это было ещё не всё. Стремясь как можно быстрее избавиться от своего советского прошлого, Кузнецов публично объявил не только о выходе из

всех советских организаций, в которых состоял до своего бегства, но также и от собственной фамилии. Так, он потребовал от своих новых западных издателей, чтобы все его будущие книги публиковались только под именем «А. Анатолий» — и ни в коем случае не под фамилией «Кузнецов». Требование Кузнецова было издателями выполнено, но частично (на некоторых изданиях фамилия «Кузнецов» стоит после нового имени в скобках). Однако этот непродуманный и крайне эмоциональный поступок Кузнецова сыграл с ним злую шутку, позволив советской пропаганде, стремившейся всячески унижить и очернить беглого писателя, глумиться над ним в публиковавшихся в советской прессе фельетонах, в которых его отныне и до самого конца жизни называли не иначе как «бывший писатель Анатолий».

Тихая паника и громкие вопли

То, что происходило в первых числах августа на Лубянке, можно описать как ощущение, возникающее от удара по лицу валенком с засунутым в него поленом.

4 августа 1969 года председатель КГБ при Совете министров СССР Юрий Андропов (1915–1984) направил в ЦК КПСС докладную записку (документ № 1926-А — на бланке с грифом «Сов. секретно»), в которой попытался переложить ответственность за бегство Анатолия Кузнецова со своих плеч на плечи функционеров Тульского обкома КПСС и местного отделения Союза писателей РСФСР. Пытаясь представить хоть сколько-нибудь убедительное объяснение необъяснимому поступку совписа-коммуниста, глава тайной полиции информировал:

«Установлено, что после приезда в Лондон Кузнецов дважды посетил ночной клуб, а в день исчезновения высказал намерение вновь посетить клуб и встретиться с англичанкой. Не исключено, что эти обстоятельства были использованы спецслужбами противника в компрометации Кузнецова и склонении его к невозвращению на Родину.

В этой связи советское посольство потребовало от МИД Англии дать возможность советскому консулу незамедлительно встретиться с Кузнецовым, однако в своём ответе МИД Англии, ссылаясь на заявление МВД, сообщило, что Кузнецов якобы не желает встречаться с нашими представителями».

Кузнецов действительно не желал. А на вопросы сотрудников британского МИДа, занимавшихся его судьбой, по какой причине, со всей откровенностью отвечал: «Я их боюсь. Я боюсь их даже здесь. А вы просто не знаете, на что они способны». На что они способны, знал не один только Кузнецов. Знал это и Юрий Андропов. И настаивал на продолжении давления на англичан:

«С целью оказания воздействия на английские власти и принятия мер к возвращению Кузнецова в Советский Союз представляется целесообразным по ли-

нии МИД СССР продолжать настаивать перед английскими властями на передаче нам Кузнецова <...>»

В случае же «отрицательной реакции на наши предложения» в той же докладной предлагались варианты контригры:

«По неофициальным каналам КГБ довести до посольства Великобритании в Москве, что компетентные советские органы намерены предать гласности компрометирующие английскую разведку и правительство секретные документы о работе английских спецслужб против своих союзников по НАТО.

Опубликовать в газете “Известия” статью о подрывной деятельности английской разведки против Советского Союза и других социалистических стран. В этих целях использовать имеющиеся в КГБ подлинные секретные документы английских спецслужб <...>, относящиеся к 1955 году, и интервью с бывшим сотрудником английской разведки Джорджем Блэйком.

Учитывая, что за последние годы имели место случаи невозвращения на Родину отдельных литераторов, считали бы целесообразным поручить Союзу писателей провести собрания в коллективах писателей с осуждением фактов предательства и недостойного поведения некоторых творческих работников за границей».

Из этого перечня со всей очевидностью явствует одно — то, что в связи с «делом Кузнецова» Лубянку охватила тихая паника. Были ли предприняты ею какие-то «активные мероприятия» с использованием давно устаревших секретных документов о «работе английских спецслужб против своих союзников по НАТО», полученных от упомянутого в андроповской докладной советского шпиона Джорджа Блэйка, — неизвестно. Что же касается статьи «о подрывной деятельности английской разведки против Советского Союза и других социалистических стран», то такие статейки в советском официозе публиковались погонными кубометрами — как до, так и после бегства Анатолия Кузнецова, и за пределами СССР на них вообще никто никогда не обращал внимания.

Статья, впрочем, опубликована была. Только не в «Известиях», а в издании рангом помельче, называвшемся «Литературная газета». В ближайшем номере этого печатного органа «Союза советских соцреалистических писателей», вышедшем 6 августа 1969 года, был помещён огромный клеветнический фельетон под названием «Несколько слов о бывшем Анатолии Кузнецове». В этом пасквиле за подписью совписа Бориса Полевого (Кампова; 1908–1981) перебежчик Кузнецов получил по полной программе — то есть был окачен дерьмом не из садовой лейки, но из пожарного брандспойта. Приводить цитаты из камповского клеветона просто противно — в буквальном, именно физиологическом смысле этого понятия. Довольно будет сказать о том, что, всячески издеваясь над беглым коллегой по перу, Борис Полевой с особенным удовольствием проехался по его решению отказаться от своего имени — более чем прозрачно намекая при этом на то, что

от соприкосновения с «миром чистогана» у советского гражданина Кузнецова, видимо, поехала крыша.

Причины для столь злобного отношения Полевого к Кузнецову были. И носили они не только «общественно-политический», но и сугубо личный характер. Дело было в том, что не далее как за полтора месяца до бегства из СССР Кузнецов был введён в состав редакционной коллегии возглавляемого Полевым журнала — вместо выведенного оттуда Василия Аксёнова (1932–2008). Аксёнов же из редакции «Юности» был убран не просто так, а в качестве наказания — и за публикацию незабвенной «Затоваренной бочкотары», и как следствие того самого доноса, написанного на него, Гладилина и Евтушенко Анатолием Кузнецовым.

О подоплёке своего выпиливания из «Юности» Аксёнов в тот момент мог разве что гадать, но после того как оказавшийся в Лондоне Кузнецов выступил с саморазоблачением своей провокаторской деятельности, ему всё стало ясно. И этого Василий Аксёнов Анатолию Кузнецову не смог простить никогда. По утверждению Анатолия Гладилина (1935–2018), который Кузнецова простил, хотя после своей эмиграции из СССР в 1976 году никогда с ним больше не встречался, Аксёнов воспринял предательство Кузнецова крайне болезненно:

«Я пытался объяснить поведение Кузнецова: «Он нарочно им подсунул развесистую клюкву, а эти приняли всерьёз». Вася жёстко отметал мои доводы: «Пойми, если такой человек, как Анатолий Кузнецов, наш товарищ, начинает сотрудничать с «органами», начинает стучать на нас, то чего же ты хочешь от других?» Аксёнов был очень расстроен».

Негодование Аксёнова было столь сильным, что он вывел Анатолия Кузнецова в своём знаменитом романе «Ожог» — в образе скульптора Игоря Серебро, мелкого советского холуя и конформиста, который после бегства на Запад начинает выступать по «радиоголосам» с восторженными рассказами о том, как хорошо жить в свободном мире и как он всю жизнь тайно ненавидел коммунистический тоталитарный режим. Персонаж получился весьма непривлекательным и никакого иного чувства у читателей кроме безразличия не вызывал. На что и был писательский расчёт.

Диссидент против дефектора

Анатолий Кузнецов понимал, что своими саморазоблачениями он вызовет не только сочувствие к себе со стороны антикоммунистически настроенной западной интеллектуальной элиты, но и порицание своего поведения, а то и откровенную неприязнь — от своих бывших друзей и представителей советского диссидентского движения.

Отношение к диссидентам у Кузнецова было вообще крайне скептическим. Он считал, что в диссиденты идут или романтически настроенные идеалисты, или снедаемые неутолённым честолюбием циники-неудачники, не имеющие ни-

каких возможностей привлечь к себе внимание внутри СССР иным образом; что диссидентское движение насквозь инфильтровано гзбистской агентурой и терпит Лубянку только для того, чтобы она могла оправдывать борьбой с ним собственное существование перед высшим партийным руководством.

Кузнецов наверняка ожидал какой-то реакции на свои действия с этой стороны. И поэтому когда в декабре 1969 года в западных СМИ появилось адресованное ему Открытое письмо диссидента Андрея Амальрика (1938–1980), эта публикация не должна была стать для него полной неожиданностью.

Используя максимально уважительную лексику, имитирующую английский «джентльменский стиль», автор только что опубликованного на Западе футурологического эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» подверг поведение Кузнецова после побега весьма жёсткой критике. Амальрик был категорически не согласен с заявлениями Кузнецова о тотальном уничтожении советским режимом всякого проявления свободомыслия и указывал беглому совписуну то, что прежде, чем выступать с подобными сентенциями, тому следовало бы обратить внимание на собственную биографию:

«Вы пишете, как КГБ преследовал и шантажировал русского писателя. Конечно, то, что делал КГБ, может вызвать только осуждение. Но непонятно, что же делал русский писатель, чтобы противостоять этому. Противоборствовать КГБ страшно, но что, собственно, угрожало русскому писателю, если бы он перед первой заграничной поездкой отказался от сотрудничества с КГБ? Писатель не поехал бы за границу, чего ему, вероятно, очень хотелось, но остался бы честным человеком. Отказавшись вообще от подобного сотрудничества, он утратил бы какую-то — пусть весьма значительную — долю свободы внешней, но достиг бы большей внутренней свободы. Вы всё время пишете: меня вызвали, мне велели, цензура всегда ставила меня на колени... и т. д. Мне кажется, что если Вы постоянно шли на уступки и делали то, что в душе осуждали, то Вы и не заслуживали лучшего отношения со стороны КГБ или цензуры».

Несомненно, Анатолий Кузнецов должен был быть глубоко уязвлён этим письмом. Не вызывает никакого удивления и то, что отвечать на него он не стал — поскольку отвечать ему на упрёки Амальрика было просто нечего. Однако обида, по-видимому, засела в душе Кузнецова надолго. И выплеснулась на бумагу четыре года спустя — в виде эссе под пародийным названием «Доживёт ли Амальрик до 1984 года?». Услышать этот ответ, прозвучавший на волнах радиостанции «Свобода», Амальрик не мог — он в этот момент находился в тюрьме на Колыме, где местная прокуратура при деятельном участии КГБ лепила ему второй тюремно-лагерный срок по обвинению в «клеветнических измышлениях, порочащих советский государственный строй». Но посчитал необходимым отреагировать постфактум — после освобождения из заключения и эмиграции из СССР:

Анатолий Кузнецов у себя дома. Лондон, 1970-е годы

«Кузнецов ответил мне <...> когда я сидел в магаданской тюрьме <...>. Он писал, что не отвечал раньше, боясь повредить мне. Это неправда — мне не могло повредить то, что мне отвечают, да он ведь и не считал, что его ответ повредит мне теперь. Статья была повторением всё того же: борьба бесполезна — вот же Амальрик сидит; легко сломить человека — вот же Якир покаялся; и других ждёт то же самое, а значит «инога выбора не дано».

Андрей Амальрик был человеком весьма общительным. Когда в 1976 году он оказался на Западе, то захотел встретиться с Анатолием Кузнецовым, чтобы завершить их заочную полемику, проставив все точки над «ё». Но Кузнецов от встречи с Амальриком уклонился.

Дожить до 1984 года Андрею Амальрику оказалось действительно не суждено — в ноябре 1980-го 42-летний политэмигрант Амальрик трагически погиб в автомобильной катастрофе в Испании. Однако Анатолий Кузнецов об этом так никогда и не узнал — по причине того, что и сам он до «орвеллианского» года не дожил.

Курсивом по цензуре

Через год после побега Кузнецова, в октябре-ноябре 1970-го в разных странах «свободного мира» — Великобритании, Франции, Западной Германии, Италии, Швеции, Соединённых Штатах Америки — одно за другим стали выходить

новые переводные издания романа «Бабий Яр». Это был текст, не только освобождённый от цензурного вмешательства, но и существенно доработанный автором после того как он «выбрал свободу». Для того чтобы читатели могли со всей наглядностью увидеть — как именно работает советская цензура, цензурные купюры в этих изданиях были выделены курсивом, а позднейшие авторские добавления взяты в квадратные скобки.

Точно в таком же виде вышло и первое издание «Бабьего Яра» на языке оригинала — его выпустило в том же 1970 году базировавшееся во Франкфурте-на-Майне энтээсовское издательство «Possev-Verlag». Книга имела большой спрос, и энтээсовцы ещё дважды — в 1973-м и 1986 годах — осуществляли допечатку тиража с указанием, что это были второе и третье издания. Стоит лишний раз упоминать о том, что в СССР эта книга незамедлительно попала в «чёрные списки» изданий, запрещённых ко ввозу и распространению на его территории. Однако никакой «железный занавес» не в состоянии полностью изолировать одну страну от остального мира, а при наличии Самиздата пытаться блокировать циркуляцию «антисоветской» литературы в критически настроенных по отношению к коммунистическому режиму слоях населения было делом столь же бессмысленным, сколь и бесполезным. Кроме того, существовали также и голоса — зарубежные радиостанции, вещающие для населения Советского Союза, по которым постоянно транслировались циклы чтений по книгам, приобрести которые в советских магазинах было невозможно.

На свободе...

Последние годы жизни Анатолия Кузнецова прошли в Англии. Там он прожил почти безвыездно всё отпущенное ему судьбой время — девять лет, десять месяцев и девятнадцать дней.

Материально он не нуждался — на полученные от западных издателей (в Англии это был «Джонатан Кейп», в США — «Фаррар, Страус энд Жиру») крупные авансы последующие роялти Кузнецов приобрёл трёхэтажный дом в одном из лондонских пригородов и автомобиль, о котором мечтал с детства. С первого раза сумев сдать сложнейший английский экзамен на получение водительских прав, он за рулём своего «Хиллмэна Авенджера» исколесил всю Англию — вдоль и поперёк, заезжая в такие уголки, где нога русского человека не ступала прежде никогда. Совершая эти поездки, Кузнецов совмещал приятное с полезным — помимо знакомства со страной пребывания он, будучи страстным грибником, также собирал в английских лесах грибы — то есть, с точки зрения англичанина, занимался делом странным и непонятным.

Страсть к «тихой охоте» однажды сыграла с Кузнецовым злую шутку. Приехав поздним вечером в незнакомую ему лесную местность, он разбил палатку возле непонятных столбов с натянутой на них колючей проволокой, намереваясь, отоспавшись, с раннего утра ударить по подосиновикам и маслятам. Но на-

мерению его сбыться было не суждено — посреди ночи грибник был разбужен светом фонаря в лицо и требованием назвать своё имя и предъявить документы. В качестве аргумента, подтверждающего обоснованность требования, в лицо Кузнецову смотрел также ствол автоматической винтовки. Оказалось, что вечером он поставил палатку возле периметра военной базы, на которой были размещены ракеты с ядерными боеголовками, и совершавший ночью обход территории патруль наткнулся на неё и был этим обстоятельством изрядно озадачен. Стоит ли говорить о том, во что превратилось удивление британских военных, когда они узнали, что перед ними — русский. Но кончилось всё, разумеется, хорошо. А история про то, как писатель Анатолий был пойман при попытке поискать грибов на территории сверхсекретной ракетной базы, стала одной из фирменных баек «Русского Лондона» и многие годы обыгрывалась и в застольном трёпе «ни о чём и обо всём», и в литературных произведениях — например, в романе эмигрантского писателя Зиновия Зиника (Глузберга; р. 1945) «Руссофобка и фунгофил». Очень смешная книга.

...и по «Свободе»

С ноября 1972 года и до последних дней жизни Анатолий Кузнецов работал на американской радиостанции «Свобода» — в лондонском её корреспондентском пункте, располагавшемся в доме №7 на Графтон-стрит. Устроил его на эту весьма непыльную и хорошо оплачиваемую службу Леонид Финкельштейн (1924–2015), более известный под фамилией-псевдонимом Владимиров.

Финкельштейна и Кузнецова объединяла схожая судьба — оба принадлежали к одному поколению и оба были дефекторами — с той лишь разницей, что Финкельштейн был не писателем, а журналистом, и свободу выбрал, попав в Лондон не как командировочный, а как турист, и произошло это не в 1969 году, а тремя годами раньше. Познакомился Кузнецов с Финкельштейном в тот самый день 28 июля 1969 года, когда приехал к Дэвиду Флойду, а тот, опасаясь возможной провокации, вызвал к себе также и Финкельштейна, который в ту пору уже работал на «Свободе». С того самого дня Леонид Финкельштейн на долгие годы стал одним из самых близких друзей Анатолия Кузнецова и пребывал в этом статусе почти до самого конца его жизни, когда между ними произошёл какой-то личный конфликт и отношения были если и не прерваны, то серьёзно нарушены. О своей дружбе с Кузнецовым Финкельштейн написал в его до сих пор не изданной в полном виде книге «Жизнь Номер Два», однако этот рассказ пестрит всевозможными неточностями и умолчаниями. Первые легко объяснимы — абберрацией памяти весьма пожилого мемуариста (книга писалась, когда Финкельштейну было далеко за семьдесят), со вторыми дело обстоит гораздо сложнее. Но эта история не является темой настоящей публикации.

Руководство Русской службы радиостанции «Свобода» предоставило Анатолию Кузнецову полный карт-бланш — говорить он мог обо всём, о чём хотел.

Единственным ограничением был хронометраж — длительность передач из авторского цикла «Беседы Анатолия Кузнецова» не могла превышать тринадцати с половиной минут. В соответствии с этим форматом Кузнецов и работал — еженедельно записывая в лондонской студии «Свободы» свою тринадцатиминутную беседу. О чём он рассказывал слушателям по ту сторону «железного занавеса»? Обо всём, что его волновало. Как он это делал? Так, как об этом вспоминал в некрологе его коллега Владимир Матусевич (1936–2009), будущий главный редактор Русской службы эпохи «золотого века» «Свободы» (1986–1993 годов):

«Он приходил к микрофону с обнажённой душой, беззащитный в своём доверии к слушателям, своём всепроникающем желании поведать о светлой радости бытия. О пронзительном счастье, что испытывал он, собирая грибы в английском лесу или бродя босиком по кромке морского прибоя. Или обзаведясь новой игрушкой — хитроумной пищащей машинкой. И боль его, гнев, с какими говорил он о проклятой скудости советского бытия — духовной, материальной, социальной, — они были суть отчаяние доброго, совестливого человека, который не может примириться с мыслью, что вот он — бессилен разделить простейшую, насущнейшую радость свободы со своими соотечественниками».

Все американские начальники — тогдашний президент радиокорпорации Вальтер Скотт и сменивший его в должности Фрэнсис Рональдс, вице-президент по продукции Роберт Так, главный редактор Русской службы Мэтью Дьяковски и другие — работу Кузнецова ценили очень высоко. Это легко объяснимо. В первые два года, до появления на «Свободе» таких знаковых голосов, как Александр Галич, Владимир Максимов, Виктор Некрасов, — Кузнецов был единственным бывшим советским писателем «с именем», работавшим на этой радиостанции, а это в глазах американской бюрократии имело особенную ценность. Кроме того, Кузнецов работал, не халтуря, выкладываясь перед микрофоном действительно с обнажённой душой — сколь бы пошло ни выглядела эта использованная Матусевичем метафора.

В новогодней программе Русской службы, вышедшей в эфир 31 декабря 1977 года, рассказывая о том, как прошёл его уходящий год и чем он намеревается заниматься в году приходящем, Анатолий Кузнецов сказал:

«Тысяча девятьсот семьдесят седьмой год я закончил, собственно, тем, что написал и прочёл мою сто девяносто девятую беседу для Радио “Свобода”. <...> Мне нравится это делать. Главным образом потому, что здесь я ни в чём не ограничен. Говорю на любую тему — о чём угодно, о чём сегодня думаю или буду думать завтра.

И потом, я считаю, что в наши дни наиболее эффективный путь для проникновения слова — Слова — в Советский Союз — это радио. Русский писатель может написать на Западе хоть десять, хоть пятьдесят книг. Но если из них проникнут в Советский Союз считанные экземпляры, то одно его выступление по радио может быть куда более эффективным — ну хотя бы в смысле количества

Анатолий Кузнецов, 1970-е

людей, до которых оно дойдёт. Даже при наличии этой одной из самых варварских выдумок нашего века — глушения.

Что я буду делать дальше?

Ну, в первых днях января будет, значит, моя двухсотая беседа.

А потом желаю себе написать ещё двести.

Потом — ещё, что ли, двести...»

Сделанному Анатолием Кузнецовым самому себе пожеланию сбыться было не суждено. Не было ни двухсот бесед, ни тем более четырёхсот. Не было даже ста. В наступившем на другой день году голос Кузнецова прозвучал на самых коротких в мире волнах не пятьдесят два раза, как этого следовало ожидать, а только тридцать два. И ещё трижды — в следующем, 1979-м. И всё.

Удар ножом и укол зонтиком

Общеизвестно: фатальные неприятности имеют обыкновение обрушиваться на голову человека внезапно, когда их меньше всего можно ожидать. Ровно это и произошло в жизни Анатолия Кузнецова. Произошло утром 5 сентября 1978 года, когда, как сам он рассказывал радиослушателям семь месяцев спустя, после бессонной ночи (Кузнецов писал очередной радиоскрипт) он сел завтракать — «и вдруг словно два ножа ударили в грудь и пошли разрезать грудную клетку на две части».

Жена Анатолия Кузнецова, Иоланта Райт, вызвала «скорую помощь». Писатель был госпитализирован. Обследование, проведённое в госпитале, показало

классический инфаркт. Пациенту был прописан постельный режим и назначена соответствующая тяжести болезни терапия.

Однако на больничной койке Кузнецов пробыл не более недели.

Двенадцатого сентября 1978 года в английских СМИ грянула сенсация: газеты, радио и телевидение наперебой стали сообщать о том, что накануне в Лондоне скончался 49-летний болгарский писатель-политэмигрант Георгий Марков (1929–1978), работавший в Болгарской редакции Би-Би-Си. В принципе, в самом факте внезапной смерти Маркова не было бы ничего сверхъестественного, если бы не попутно делавшиеся сообщения о том, что британская полиция считает его смерть не естественной, а следствием покушения, осуществлённого неустановленным лицом (или лицами) посредством отравления. Это был тот самый получивший всемирную известность укол зонтиком на автобусной остановке «Мост Ватерлоо» — террористический акт, осуществлённый тайной полицией коммунистического режима Болгарии, возглавлявшегося Тодором Живковым, считавшим Георгия Маркова своим персональным врагом.

Как только начало раскручиваться «дело Маркова», из Парижа поступило сообщение, что там двумя неделями раньше точно таким же образом — уколом зонтика — пытались ликвидировать другого болгарина — Владимира Костова. Костов, сам бывший гэбист, был, в отличие от гуманитария Маркова, человеком, хорошо осведомлённым о методах своих коллег. Поэтому, получив укол зонтиком на эскалаторе парижского метро, он сразу всё понял и немедленно обратился в американский военный госпиталь в Париже с требованием детально исследовать его рану. И каково же было изумление американских хирургов, когда они извлекли из тела пациента крохотную капсулу, начинённую рицином. Поскольку времени с момента покушения прошло всего ничего, яд ещё не начал всасываться в кровь, и Владимир Костов остался жив. Георгию Маркову, уколотому 7 сентября, не повезло — он не обратил на этот факт внимания, а когда обратил, было уже поздно. Но пустая капсула в его теле оставалась и была извлечена и предъявлена в качестве доказательства убийства.

Узнав обо всём этом, Анатолий Кузнецов, по-видимому, решил, что коммунистические режимы начали акцию по уничтожению своих политэмигрантов и перебежчиков, и сильно испугался. Он потребовал немедленной выписки из госпиталя — и, несмотря на уговоры пытавшихся его образумить врачей, настоял на своём, утверждая, что дома он выздоровеет скорее.

Уверенности этой сбыться было не суждено. 18 сентября Анатолия Кузнецова поразил второй инфаркт, ставший гораздо более тяжёлым, чем первый. Повторная экстренная госпитализация завершилась клинической смертью, наступившей Кузнецова на реанимационном столе. Проявив чудеса профессионализма, английские кардиологи вернули его с того света.

Процесс выздоровления и последующего восстановления сил занял более полугодя. Радио предоставило Кузнецову оплачиваемый отпуск по болезни и было согласно ждать его возвращения на работу столько, сколько потребуется.

В апреле 1979 года Анатолий Кузнецов возобновил свои радиобеседы. Однако после третьего выпуска они снова были прерваны. Состояние Кузнецова вновь резко ухудшилось. Последовала очередная госпитализация с подозрением на инфаркт. Подозрение не оправдалось, однако нарушения в работе системы кровообращения были столь серьёзны, что врачи настояли на его пребывании в госпитале под наблюдением и продержали на больничной койке больше месяца. Наконец, Кузнецов был выписан с настоятельной рекомендацией отказаться от курения и не заниматься никакими тяжёлыми физическими и стрессоопасными работами.

Последние слова

Тринадцатого июня 1979 года Анатолий Кузнецов посетил службу и вернулся домой раньше конца рабочего дня. Сказав Иоланте, что устал и хочет немного полежать, ушёл на второй этаж, в спальню, и уснул. Проснувшись, спустился вниз. Увидев жену, сидевшую на диване вместе с их общей близкой подругой, приехавшей в гости, пока он спал, и разговаривавшую с ней о чём-то женском, с наигранным раздражением заметил: «Ну что, бабы? Всё треплетесь, а кофе мужику сварить — задницу от дивана оторвать — никак, да?» И когда Иоланта вскочила, чтобы идти на кухню, остановил её порыв движением руки: «Сиди, сиди... Я сам».

Минут через десять, когда обеспокоенная его долгим отсутствием Иоланта вошла на кухню, она увидела выкипающий на огне кофейник и мужа, сидящего на табурете, откинувшегося к стене. Выглядел Анатолий Кузнецов как живой — с той лишь разницей, что он был мёртв.

Пять степеней ужаса

Анатолий Кузнецов всю жизнь был убеждённым пессимистом. Общеизвестный анекдот про оптимиста и пессимиста, сидящих в камере смертников и спорящих о том, может ли им стать ещё хуже, чем уже есть, — это про него. Но порицать Кузнецова за это имеет право только тот, чья собственная судьба сложилась таким же, как и у него, образом, или ещё страшнее. Поскольку никто в этом мире — никакой патентованный психоаналитик — не может осознать и тем более объяснить, что происходит в душе двенадцатилетнего мальчишки, который перед сном подсчитывает, сколько раз в течение прошедшего дня его могли расстрелять. И, засыпая, слышит доносящиеся из находящегося неподалёку оврага пулемётные очереди — зная, что каждый выстрел означает чью-то смерть. Смерть человека, чья вина состоит лишь в том, что нелюди не считают его достойным

этого звания и потому отказывают ему в праве на жизнь. И так — изо дня в день, неделя за неделей, месяц за месяцем, почти два года.

В бесследно пропавшем манускрипте сюрреалистического романа «Тейч Файв» (из которого в печати появилось лишь несколько небольших фрагментов) Анатолий Кузнецов классифицировал одно из самых сильных человеческих ощущений — чувство ужаса. Согласно его классификации, ужас делится на пять степеней:

«Наиболее распространённая степень ужаса наступает, когда у вас в душе уже не осталось живого места, вы видите, что вокруг только низость, ханжество, жестокость, садизм. Вы всё понимаете и ничего не в силах сделать, кроме самоубийства.

Вторая степень ужаса — когда вам ломают кости, раздирают рот, бьют в пах, ломают рёбра каблуками и вешают за половые органы или, взяв за ноги, разрывают пополам, как это делали солдаты советские с солдатами власовскими, когда те попадали к ним в плен.

Третья степень — вы продаёте единственного друга, любимого человека, родную мать и при этом умоляете, чтобы никто об этом не узнал, за что готовы служить ниже и тайно продавать всех отныне навсегда.

Четвёртая степень — от вашей личности не осталось ничего, вы, как робот, делаете и говорите всё, что вам велят, подписываете любые протоколы, даёте любые показания, вы больше не имеете ума и надежды.

Пятая степень ужаса — предстоит.

Её приход возможен скоро. Не верится? Давайте встретимся, как предлагал бравый солдат Швейк, в шесть часов вечера после грядущей войны».

Встретимся, Анатолий Васильевич. Непременно встретимся. В то самое время, в том самом месте. После означенного brave солдатом события. Хотя лучше всё-таки — до.

Автор выражает искреннюю благодарность Сильве Рубашовой (Хайтиной) — она знает, за что.

Фотографии — из личного архива Алексея Кузнецова